4. Апогей «холодной войны»

1949 — 1950 гг. стали, несомненно, кульминацией «холодной войны», ознаменованной подписанием 4 апреля 1949 г. Североатлантического договора, чей «открыто агрессивный характер» неустанно разоблачался СССР, войной в Корее и перевооружением Германии. 1949-й был «крайне опасным» годом, поскольку СССР уже не сомневался, что американцы надолго останутся в Европе, Но он же принес советским руководителям и удовлетворение: успешное испытание первой советской атомной бомбы (сентябрь 1949 г.) и победа китайских коммунистов.

В отличие от своей внешней политики, проводимой в других районах мира, на Дальнем Востоке СССР с 1945 г. действовал крайне осторожно. Вступление Красной Армии в войну против Японии в августе 1945 г. позволило ему восстановить в этом регионе позиции, утраченные в 1905 г. царской империей. 15 августа 1945 г. Чан Кайши согласился с советским присутствием в Порт-Артуре, Дайрене и Маньчжурии. При советской поддержке Маньчжурия стала автономным коммунистическим государством, возглавляемым Као Каном, который, видимо, был тесно связан со Сталиным. В конце 1945 г. последний призвал китайских коммунистов найти общий язык с Чан Кайши. Эта позиция была несколько раз подтверждена в 1946 — 1948 гг. Тот факт, что начиная с лета 1947 г. политическая и военная ситуация изменилась в пользу китайских коммунистов, в целом не изменил сдержанное отношение советского руководства к китайским коммунистам, которые не были приглашены на совещание, посвященное основанию Коминформа. Этой сдержанности можно дать несколько объяснений: понимая американские намерения в отношении Японии, советское руководство рассматривало Дальний Восток как преимущественную сферу влияния США (в отличие от Европы), Но не опасалось ли оно также, что в случае победы китайских

коммунистов возникнет новый полюс коммунизма? В этом смысле следует признать непоследовательность политики, боровшейся против Тито, но позволявшей укреплять свою независимость Мао Цзэду. Показательно, что советская пресса почти не заметила решающее наступление китайских коммунистов летом 1949 г., поскольку была слишком занята отчетами о разоблачении бесчисленных «гитлеровско-троцкистско-итоистских» заговоров в Восточной Европе.

Энтузиазм СССР по поводу «китайских братьев по оружию» проявился только после окончательной победы Мао Цзэду. 23 ноября 1949 г. СССР установил дипломатические отношения с Пекином, и Вышинский заявил в ООН, что теперь его страна не признает националистический Китай. После трудных двухмесячных переговоров 14 февраля 1950 г. в Москве Мао Цзэду подписал со Сталиным Договор о взаимопомощи сроком на тридцать лет. Советский Союз обязался отказаться в двухлетний срок от всех своих прав в Маньчжурии и вернуть Дайрен и Порт-Артур, предоставить Китаю заем в 300 млн. долларов на пять лет, освоить Синьцзян силами смешанных фирм с советским финансовым и техническим преобладанием. Длительность переговоров, скромная сумма кредита, срок, предусмотренный для передачи Маньчжурской железной дороги и портов, подкрепляют гипотезу, согласно которой Москва, прежде чем принять на себя более серьезные обязательства, хотела увидеть, какую политику выберет Мао. Общая враждебность по отношению к США была, несомненно, одним из основных факторов согласия. То, что это так, было открыто подтверждено несколькими неделями позже: когда Совет Безопасности отказался исключить националистический Китай из ООН, СССР вышел из всех ее органов (до августа 1950 г.).

Именно благодаря отсутствию СССР Совет Безопасности смог 27 июня 1950 г. принять резолюцию о вводе американских войск в Корею, где северные корейцы за два дня до этого пересекли 38-ю параллель. Согласно некоторым современным версиям, к этому шагу Северную Корею подтолкнул Сталин, который не верил в возможность ответных действий США после того, как они «бросили» Чан Кайши, и хотел составить конкуренцию Мао на Дальнем Востоке. Тем не менее, когда Китай в свою очередь вступил в войну на стороне Северной Кореи, СССР, натолкнувшись на твердую позицию США, постарался сохранить локальный характер конфликта. После смещения воинственного генерала Макартура напряженность вокруг корейских событий уменьшилась, 23 июня 1951 г. постоянный представитель СССР в ООН Малик, который за два года до этого вел переговоры по вопросу о блокаде Берлина, предложил, чтобы «воюющие стороны начали дискуссию о прекращении огня и достижении перемирия». Переговоры по этому вопросу увенчаются успехом только через два года, после смерти Сталина. В большей степени, чем конфликт в Корее, «головной болью» советской внешней политики в начале 50-х гг. был вопрос об интеграции ФРГ в западную политическую систему и ее перевооружении. Используя глубокие расхождения между западными державами по этой проблеме, советская дипломатия имела возможность ловко маневрировать. 23 октября 1950 г. собравшиеся в Праге министры иностранных дел восточноевропейского лагеря предложили подписать мирный договор с Германией, предусматривающий ее демилитаризацию и вывод из нее всех иностранных войск. В декабре западные страны в принципе согласились на встречу, но потребовали, чтобы на ней были обсуждены все проблемы, по которым имело место противостояние Запада и Востока. Продолжавшиеся с 5 марта по 21 июня 1951 г. в Париже переговоры не привели стороны к соглашению. Причиной неуспеха стал весьма второстепенный вопрос: Советский Союз настаивал на том, чтобы речь шла и об Атлантическом пакте, чему противились страны Запада. На следующий год СССР предпринял еще одну попытку. 10 марта 1952 г., через несколько дней после Лиссабонской конференции руководителей стран НАТО, на которой был принят первый план перевооружения Европы, в том числе и ФРГ, Советский Союз направил западным державам ноту, содержащую предложение заключить мирный договор с демилитаризованной и нейтральной Германией. По сравнению с предыдущими проектами — как советскими, так и западными — этот план содержал новые моменты, которые должны были соблазнить немцев (разрешение Германии иметь необходимые для обороны национальные вооруженные силы, общая амнистия для всех офицеров вермахта и функционеров НСДАП, за исключением виновных в военных преступлениях).

ях). Невозможно было более откровенно предложить возврат к политике Рапалло, по которой советская дипломатия испытывала ту же ностальгию, что и по временам, когда существование многополюсного мира позволяло СССР играть на «межимпериалистических противоречиях». Однако, чтобы соблазнить немцев в 1952 г., Москве следовало заплатить больше: прежде всего отказаться от требования признать в качестве предварительного условия границу по Одере — Нейсе и согласиться с образованием нового общегерманского правительства по итогам свободных выборов. В сложившейся ситуации западные державы не преминули воспользоваться случаем, чтобы заявить, что заключение мирного договора предполагает прежде создание правительства, полномочного его подписать, и что, следовательно, для начала необходимо договориться об организации свободных выборов. Грубость советской реакции в полной мере отразила испытанное СССР разочарование.

В своей последней работе, опубликованной в сентябре 1952 г., Сталин развивал идею, состоящую в том, что если в теории «противоречия» между капиталистическими странами являются менее сильными, чем между капиталистическими и социалистическими странами, то не обязательно дело обстоит так и на практике. Отсюда следовало, что, «вопреки мнению некоторых товарищей», войны между капиталистическими странами были неизбежны и в тех условиях.

У многих тогда создалось впечатление, что этот тезис был плодом умственного расстройтва автора. Но не предвещал ли он стратегический поворот: отказ от концепции двух лагерей, чтобы сыграть на «противоречиях империализма»? Предположить возможность эволюции в этом направлении в течение 1953 г. позволяет интервью Сталина, опубликованное 24 декабря 1952 г. в «Нью-Йорк тайме», в котором генералиссимус, хотя и не дав ясного ответа на этот важнейший вопрос советской внешней политики, выказал готовность к сотрудничеству в возможной дипломатической акции, «исходя из того факта, что СССР желает, чтобы Корейской войне был положен конец», и к встрече с Эйзенхауэром. Тем не менее Эйзенхауэр дождался смерти Сталина, чтобы, говоря словами президента США, «сделать первые шаги к созданию взаимного доверия, основанного на совместных усилиях».